

Е. В. СТЯЖКИНА

МАСКУЛИННОСТЬ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ключевые слова: маскулинность; гендерная история; историография; методы исторических исследований

Аннотация: В статье рассматриваются основные подходы, сложившиеся в рамках нового научного направления гендерных исследований — «истории маскулинности». Автором статьи выявляются как условия появления и развития этого направления, так и его познавательный потенциал и дальнейшие перспективы в отечественном историческом знании.

Вопрос о проблематизации мужского/ маскулинного/ «мужественности» в пространстве исторического анализа похож на прогулку по минному полю, где каждый шаг сопровождается взрывом научных дискуссий, спектр которых довольно широк и разнообразен. Накопление эмпирического материала, осмысление и переосмысление теоретических подходов порождают напряжение незавершенной дискуссии, внутри которой — опасности терминологических и методологических разночтений/разнопониманий.

Наиболее «трудными местами» (однако же, и наиболее плодотворными в случае их академической и персональной, авторской, рефлексии) для институционализации мужских исследований в отечественной исторической науке являются:

– консерватизм, приверженность позитивистской методологии, восприятие новой, гендерной, парадигмы как непроверенной модели «экспорта» знания, причем, такого знания, у которого нет укорененности в отечественной почве¹;

– собственно «экспорт», сопровождающийся введением новых терминов и понятий, который, по мнению Сергея Ушакина, является «симптомом колониального сознания, с его глубоко укоренившимся кризисом собственной идентичности, с его неверием в творческие способности собственного языка, с его недоверием к собст-

¹ Подробнее об этом: Здравомыслова Е., Темкина А. Институционализация гендерных исследований в России // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / Отв. ред. М. М. Малышева. М.: Academia, 2002. С. 33–51.

венной истории и собственным системам отсчета»². При этом и простая «транслитерация понятий»³, и прямой перевод терминов, которыми оперирует западная наука, иногда оказываются не только неблагозвучными («manhood» как мужчинство), но и либо не вполне понятными и требующими дополнительных пояснений, либо отягощенными теми или иными смысловыми коннотациями, которые изменяют смысл термина (ср.: «masculinity» и «мужественность»), либо и вовсе не имеющими прямого перевода⁴.

— отставание и осознаваемый «догоняющий» характер институализации проблем мужского в историческом поле. При отсутствии полноценного научного диалога Востока и Запада (здесь — в наиболее широком смысле), имеет место как простое калькирование сюжетов, изучаемых на Западе, так и боязнь собственных постановок вопросов, связанная с возможными обвинениями в «недочитанности» и «историографической некомпетентности» автора. Ослабление научных связей на постсоветском пространстве становится фактором непряженности для мирового сообщества многих, в том числе и связанных с проблематизацией мужского в истории, инновационных научных тем и направлений. Страх «постановочной или методологической ошибки» у историков дополняется бессовестным плагиатом у дельцов от науки.

Источником скептицизма относительно актуальности включения мужского/мужественного/маскулинного в историческое поле

² Ушакин С. Человек рода «он»: знаки отсутствия // О муже(Н)ственности: Сб. статей / Сост. С. А. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. Здесь цит. по электронной версии: <http://www.genderstudies.info/sbornik/muzhest/3.htm>. — 25.10.2009.

³ Там же.

⁴ Слово «отцовство» (английское fatherhood), — пишет И.С. Кон, — означает социальный институт, систему прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как к родителю... Реальные отцовские практики (английское fathering) — деятельность, связанная с выращиванием и воспитанием детей... В религиозной литературе и словарях существует особое слово «сыновство» (нем. Sohnschaft, англ. Sonship), сформированное по образцу греческого «*hyiothesia*», от слов «*hyios*» (сын) и «*thesis*» (установление). В русском каноническом переводе Библии оно переводится как «усыновление», но в православной богословской традиции фигурирует и «сыновство». См. подробнее: Кон И. Отцовство и сыновство: социальная и психологическая асимметрия // Мужское и мужественное в современной культуре: Научные доклады и сообщения / Отв. ред. Н. Х. Орлова. СПб., 2009. С. 56, 58.

являются и ложно понятые результаты «феминологической» революции в истории. Общим местом значительного количества работ по «женской истории» оказывается заявление, что история написана мужчинами, артикулирована мужчинами, ориентирована на патриархатные установки, создана вне/без участия женского. Исходя из этого маскулинность воспринимается как проанализированная, проявленная и прочитанная. Отсюда возникает вопрос: если история создана как мужской порядок рассуждения, то, что именно, а, главное, зачем необходимо проблематизировать и изучать как мужское?

Напряжение при постановке вопроса о маскулинности как исторической проблемы создается и методологическими дискуссиями, порожденными концептуализацией собственно гендерной парадигмы. С учетом того, что история — это наука со сложившимися методами познания, ориентированная, в первую очередь, на работу с источниками, исследователи гендерных проблем сталкиваются с необходимостью выбрать такой ракурс и способ рассуждения, который является наиболее прагматичным при работе с историческими документами. В режиме «отрицания по умолчанию» находятся те теории и подходы (например, теория перформативности гендера), которые сложно «проявить» в практике анализа документов. С другой стороны, «удобная» при работе с документами позитивистская методология признана архаичным наследием, пользоваться которым удобно, но стыдно.

Определяя проблему данной работы в терминах «маскулинность как историческая проблема», автор исходит из собственного пристрастия теории социального конструирования общества (включающую сегодня и теорию социального конструирования пола и рода, мужского и женского). Однако это пристрастие не исключает понимания, что сформулированная в терминах «мужчины в истории: возможность быть увиденными»⁵, «человек рода он»⁶ в истории»,

⁵ Парафраз названия сборника научных статей, издаваемых в Белорусском государственном педагогическом университете им. М. Танка под редакцией Ирины Чикаловой: Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. / Под ред. И. Р. Чикаловой. Мн.: БГПУ, 2001, 2002, 2002. Вып. 1–3. Следует заметить, что и те исследователи, которые работают в рамках теории социального конструирования гендера (*Hearn J. Theorizing men and men's theorizing: Varieties of discursive practices in men's theorizing of men // Theory and Society. 1998. Vol. 27. № 6. P. 781–816; Clatterbaugh K. What is*

«мужское и мужественное в истории» проблема изучения мужского/маскулинного утратит свой эвристический потенциал. Различие в постановке проблемы подчеркивает различие методологических подходов, но не отменяет актуальности вопроса как такового.

Замечание И. Кона о том, что «методологический гиперкритицизм делает исследователя похожим на сороконожку, которую спросили с какой ноги она ходит. Бедняжка задумалась и после этого вообще не смогла сдвинуться с места»⁷ представляется долгожданной авторитетной «индальгенцией». Индальгенцией для постановки широкого поля исследовательских задач с учетом (но без боязни) возможности использования различных методологий и теорий в изучении маскулинности.

В данной работе мы попробуем рассмотреть основные этапы изучения маскулинности/маскулиностей как исторической проблемы и сформулировать (широко, и, возможно, претенциозно, фантазийно, вне общепринятых методологий или, напротив, на пересечении их) те вопросы и те границы исследовательских полей, в которых проблема маскулинности как истории может быть плодотворной, креативной и просто интересной.

Австралийский социолог Алан Петерсен⁸ заметил, что само слово (как термин и понятие) «masculinity», означающее маскулинность (мужественность, но без нравственно-этической коннотации), в англо-язычной литературе появилось относительно недавно — только в середине восемнадцатого века, и появилось оно именно в тот период истории, когда делались первые попытки определить мужественность и женственность через отличительные телесные признаки. В этот период родилась некая универсальная норма, в которую были включены все ранее обозначенные, проанализирован-

Problematic about Masculinities? // *Men and Masculinities*. 1998. Vol. 1. № 1. P. 24–45) склонны отказаться от термина «маскулинности/маскулинности» из-за его недостаточной определенности и в качестве объекта научного анализа использовать термин «мужчины» (men).

⁶ Ушакин С. Указ. соч.

⁷ Кон И. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 583.

⁸ Petersen A. *Unmasking the Masculine: 'Men' and 'Identity' in a Sceptical Age*. London: Sage Publications Ltd, 1998.

ные, но достаточно разрозненные представления о «мужском/маскулинном/мужественном». Универсальная норма предписывала достаточно четкие социальные требования, которые касались мужского поведения, мужского характера, одежды, телесности. Воплощением универсального канона маскулинности «по умолчанию» был признан белый европеец, исповедующий христианство.

Рождение *универсальной нормы* означало, что проявленность мужского в гуманитарном знании получила определенную институциональную форму. Иными словами, был подведен итог различным порядкам рассуждения о мужском в обществе, в природе, в религии.

Это означает, что проблема мужского/ мужественного/ маскулинного ранее уже была, так или иначе, проблематизирована в научном дискурсе. И этот процесс был естественным отражением поиска ответа на вопрос, что есть человек. Кризис мифологического мировоззрения актуализировал проблему новых способов легитимации человеческого. И уже античная философия стала пространством напряженных дискуссий о мужском и женском.

Следует, вероятно, констатировать, что «гендерное беспокойство»⁹ охватывало ученых (философов, богословов, биологов и т.д.) всякий раз, когда человеческие сообщества переживали те или иные кризисы. Угроза самоидентификационным механизмам, изменения социальных и политических порядков, модернизационные процессы, научные открытия, освободительные и эмансипаторские движения — всё это в разные периоды, на разных территориях и в рамках различных подходов и научных дисциплин действовало как «пусковой механизм» для возобновления/продолжения дискуссий о мужском и женском. Можно предположить, что каждый мировоззренческий или социальный разлом, угрожающий привычному миропорядку, требовал подтверждения факта существования каких-то не поддающихся сомнению, «незыблемых основ». Такой основой было «мужское», на протяжении столетий «прибавлявшее» к своим характеристикам все новые и новые черты (дух, разум, воля, сила,

⁹ Название известной работы Джудит Батлер: *Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, 1990 (на русском языке см. *Батлер Д. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 297–298*). В данном контексте используется как метафора.

способность к контролю чувственных желаний, рациональность, анатомическое совершенство и т.п.).

Искушения «андрофилией»¹⁰ не избежали ни античные философы, ни раннехристианские богословы, ни средневековые «отцы церкви», ни гуманисты эпохи Возрождения, ни «просветители», ни представители немецкой классической философии, ни правоведы, ни этнографы и антропологи, ни биологи, ни психиатры¹¹. Следует отметить, что проблематизация мужского как исторического носила вспомогательный, иллюстративно-аргументационный характер.

Позиции мужского как универсальной человеческой нормы пошатнулись в связи с первой волной феминизма. Совпавшая с развитием идей культурного эволюционизма, дарвинизма, позитивизма, эта волна стала источником очередного напряжения и поисков научной легитимации незыблемости мужского как общечеловеческой универсальной нормы. Маскулинность была проявлена и проанализирована не только в гуманитарных, но и в естественных науках: психологии, биологии, медицине¹². В 1908 году в Германии

¹⁰ «Андрофилия» — термин, широко использующийся при характеристике гендерной проблематики в философии наряду с понятием «мизогиния».

¹¹ Существует целый ряд работ, в которых проанализирована гендерная проблематика в научном знании (преимущественно в философии и богословии). Исследования построены в рамках феминистских парадигм и методологий и сфокусированы на мизогинистском характере интеллектуальной истории. Такой фокус позволил исследователям осветить не только «поражения женского», но и всевозможные способы легитимации победы «мужского»: Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. Ч. 1.: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков, СПб., 2001. С. 390–427; Брандт Г. А. Философская антропология феминизма. Природа женщины. СПб.: Алетейя, 2006; Чухим Н. Візія жінки в західній філософській традиції (від античності до модерну). К., 2006.

¹² Савельев А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. СПб., 1881; Mantegazza P. Gli amori degli uomini. Saggio di una etnologia dell'amore. 2 Bde, Milano: Paolo Mantegazza, 1886; Jellinek G. Adam in der Staatslehre. Vortrag gehalten im historisch-philosophischen Verein zu Heidelberg. Heidelberg: Koester, 1893; Ellis H. Man and woman. A study of human secondary sexual character. London: Scott, 1894; Bloch I. Beiträge zur Aetiologie der Psychopathia sexualis, 2 Bde, Dresden: Dohrn, 1902–1903; Weininger O. Geschlecht und Charakter. Eine prinzipielle Untersuchung. Wien: Braumüller, 1903; Heilborn A. Der Mensch. Sechs Vorlesungen aus dem Gebiete der Anthropologie. Leipzig: B. G. Teubner, 1904; Ellis H. Sexual selection in man: I. Touch, II. Smell, III. Hearing, IV. Vision. Philadelphia:

под редакцией Р. Коссмана и Ю. Вейса вышел трехтомник «Мужчина и женщина». В 1911 году исследование было переведено на русский язык М. А. Энгельгардтом и с дополнениями вышло в России. Во введении Робби Коссман совершенно недвусмысленно формулирует опасения, которые подвигли коллектив авторов на создание фундаментального труда:

«Сильнее, чем в какую-либо иную историческую эпоху, разгорается в наше время борьба между мужчиной и женщиной за место в человеческом обществе, на которое она изъясняет притязание и которого он не расположен предоставить ей. ...Цель этого сочинения — дать обеим сторонам действительно незыблемую научную точку опоры и тем самым несколько охладить тот фанатический пыл, который неизбежно появляется всюду, где недостаток общих знаний по необходимости возмещается фантазией»¹³.

Европейское научное сообщество оказалось в одном шаге от того, чтобы проявить мужчин (как мужчин, а не как королей, рыцарей, ремесленников) в пространстве исторического анализа. Однако первая волна феминизма завершилась определенными политическими победами, а мир в целом оказался лицом к лицу с куда более тревожными и опасными беспокойствами: войнами и диктатурами. Поэтому сложившийся концепт маскулинности приобрел характер метанарратива, который не только предписывал, но и узаконивал стереотипные представления о доминировании мужчин-

F. A. Davis, 1904; Schmitz O. A. Don Juan, Casanova und andere erotische Charaktere. Stuttgart: Juncker, 1906; Kossmann R., Weiss J. Mann und Weib. Ihre Beziehungen zueinander und zum Kulturleben der Gegenwart. 3 Bde, Stuttgart: Union Deutsche Verlags-Gesellschaft, 1908 etc.

¹³ Коссман Р. Введение. Обособление полов // Мужчина и женщина. Спб., 1911. Т. 1. С. 3. Следует подчеркнуть, что, несмотря на акцентированный биологический детерминизм, исследование действительно было фундаментальным и системным. Так, мужское и женское было проанализировано с учетом возрастных, семейных, национальных, расовых, профессиональных и статусных аспектов. Отдельные главы были посвящены репрезентации мужских и женских образов в литературе и искусстве. В третьем томе был дан пространственный исторический очерк, посвященный первобытности и жизни первобытных народов. Вероятно, эта книга довольно длительное время относилась к прецедентным текстам. Именно ее, например, читал известный герой «Золотого теленка» Васисуалий Лоханкин. При этом ни в одном переиздании романа нет специальной сноски, поясняющей, какая именно книга имеется в виду.

европейцев над женщинами и мужчинами-представителями других рас. В первой половине XX в. историописание (как в построении универсальных схем развития общества, так и в оценке конкретно-исторических событий) закрепило маскулинность и гегемонность мужчин белого европейского сообщества в качестве универсального и даже единственно возможного бытования мужского.

Но мир менялся. И мир академического знания продолжал болезненно сталкиваться с *другими*: с другими этносами, народами, культурами вне собственных пределов, с *другими* группами *других* в рамках собственных сообществ.

Наиболее плодотворным для того, чтобы усомниться в универсальности маскулинного в истории, снова оказалось столкновение с поставленной, проговоренной, терминологически определенной проблемой феминного. Эта формула «нового рождения» метафорически повторяет историю рождения первобытной социальности, в которой общество сначала роль осознало матери в продолжении рода, а только потом — отца.

Научившись «быть» в истории, сконструировав проблему гендера и гендерных систем, порядков, собственно феминология и гендерология подтолкнули и даже предложили «воспитательный процесс», такое же умение «быть в истории» для мужчин и мужского.

Надо признать, что открытие гендерной методологии в истории в контексте проблемы мужчин/маскулинности не только расширило поле классических тем гендерной перспективы, но и изменило саму эту перспективу. Оказалось, что пространства традиционно проявленной маскулинности — публичные пространства власти, политики, войны, насилия¹⁴, — являются не единственно возможными пространствами изучения маскулинности. Изменение гендерной перспективы обнаруживает мужчин в пространстве приватного (и акцентирует вопрос об искусственности жестко полярного разделения приватного и публичного¹⁵).

¹⁴ В рамках которых создано множество интереснейших работ. В 2007 году в статье «Западная маскулинность в войне и мире» американский историк Роберт Най представил прекрасный обзор нескольких десятков исторических исследований, сфокусированных на этой проблематике: *Nye R. Western Masculinities in War and Peace // American history review. April 2007. V. 112, № 2. P. 417–439.*

¹⁵ *Paitman C. Feminist critique of the public/private dichotomy // Feminism and Equality, Oxford, 1987; Frazer E., Lacey N. The politics of Community: A*

Следует сразу же сосредоточить внимание на том, что маскулинность как научная проблема, проходит в академическом дискурсе тот же самый путь институционализации, что и феминность (женские студии). И, как справедливо заметила Лорина Репина, «новорожденная «история мужчин», призванная дополнить свою «женскую половину», похоже, во многом повторяет» путь «истории женщин»¹⁶.

Во-первых, проблематизация маскулинности осуществляется в рамках феминистских парадигм. И мужское проявляется и анализируется через женское как в терминах взаимодействия, так и в терминах дихотомии и оппозиции. Андреа Конуэлл и Ненси Линдисфарн отмечают:

«В первую очередь маскулинность и мужественность определяются как оппозиция, как то, что не есть женское или женственное»¹⁷.

Кроме того, нельзя не согласиться с Натальей Пушкаревой, которая заметила, что «сторонницы исторической феминологии первыми признали необходимость интеграции своих исследований с трудами историков-андрологов, поскольку только параллельное рассмотрение истории Женского и истории Мужского могло позволить увидеть “в их взаимодействии настоящий мотор истории”»¹⁸.

Во-вторых, маскулинность приходит в историю через психологию (здесь сформулированы биопсихологический, психоаналитический, постфрейдистский подходы), философию (здесь уже предложены эссенциалистский (сущностный), конструктивистский, перформативный подходы), социологию, антропологию, этнографию, искусствоведение (в том числе и литературоведение), политический анализ¹⁹.

Feminist Critique of the Liberal — Communitarian Debate. Toronto: University of Toronto Press, 1993 etc.

¹⁶ Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М.: РОССПЭН, 2002. С. 29.

¹⁷ Dislocating Masculinity: Comparative Ethnographies / Ed. A. Cornwall, N. Lindisfarne. New York: Routledge, 1994. P. 11.

¹⁸ Пушкарева Н. Л. Как женщин сделали видимыми // Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. / Под ред. И. Р. Чикаловой. Мн.: БГПУ, 2001. С. 54.

¹⁹ Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York, 1990; Kosofsky-Sedgwick E. Between Men: English Literature and Homoso-

Пионерами и даже миссионерами (в лучшем смысле этого слова) проблематизации маскулинного являются Р. Коннелл²⁰, Майк Киммель²¹, Игорь Кон²², Джон Тош²³.

Кроме многочисленных монографий, часть которых (если не все) стали классикой жанра, этим исследователям принадлежит приоритет в формировании терминологического поля. И. Кон акцентирует внимание на том, что наполнение термина «маскулинность» имеет три разных, но отчасти пересекающихся смысла:

«1. Маскулинность как дескриптивная, описательная категория обозначает совокупность поведенческих и психических черт,

cial Desire. New York, 1985; *Segal L. Slow Motion: Changing Masculinities, Changing Men.* London, 1997. (2-nd ed) etc.

²⁰ Р. Коннелл (1944 г.) — австралийский социолог, один из выдающихся исследователей маскулинности (*Connell R. W. Masculinities.* Berkeley, Calif., 1995; *Connell R. W. The Men and the Boys.* Berkeley, Calif., 2000; *Connell R. W. Gender.* London, 2002, *Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина.* Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 851–879 и др.)

Значительная часть его работ была подписана именем «Роберт Уильям Коннелл». Однако в силу семейных обстоятельств, Коннелл сменил имя и род (но не пол). Сегодня имя исследовательницы Рейвин Коннелл. Соответственно, грамматические конструкции, связанные с женским родом, являются более корректными в цитации ее произведений. Поскольку мы точно не знаем, является ли смена рода для самой Р. Коннелл такой, которая имеет обратную силу, то в части наших грамматических конструкций мы постараемся избежать прошедшего времени. Там же, где это будет нелогично, цитация работ будет сопровождаться двойной родовой конструкцией. Имя исследовательницы, во избежание путаницы, будет обозначено только инициалом.

²¹ *Kimmel M. S. The Contemporary «Crisis» of Masculinity in Historical Perspective // The Making of Masculinities: The New Men's Studies / Ed. by H. Brod.* Boston, 1987; *Idem. Manhood: The American Quest.* New York, 1994; *Idem. Masculinity as Homophobia // Toward a New Psychology of Gender / Eds. Mary Ger-gen and Sara Davis.* New York: Routledge, 1997; *Idem. The History of Men: Essays in the History of American and British Masculinities.* Albany, N.Y., 2005.

²² *Кон И. Мужское тело в истории культуры.* М.: Слово, 2003; *Он же. Мужчина в меняющемся мире.* М.: Время, 2009; *Он же. Мальчик — отец мужчины.* М.: Время, 2009.

²³ *Tosh J. The old Adam and the New Man: Emerging Themes in the History of English Masculinities, 1750–1850 // English Masculinities 1660–1800 / Eds. T. Hitchcock and M. Cohen.* L.-N. Y., 1999. P. 217–238; *Idem. What should Historians do with Masculinity? Reflections on Nineteenth-Century Britain // History Workshop Journal,* 1994. 38. P. 179–202.

свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам, в отличие от женщин.

2. Маскулинность как аскриптивная категория обозначает один из элементов символической культуры общества, совокупность социальных представлений, установок и верований о том, чем является мужчина, какие качества ему приписываются.

3. Маскулинность как прескриптивная категория — это система предписаний, имеющих в виду не среднестатистического, а идеального «настоящего» мужчину, это нормативный эталон мужественности»²⁴.

Открытие теории гендера, концепта сексуальности как социальной и культурной конструкции, пересмотр взаимосвязи между биологическим и социальным полом (в работах Дж. Батлер²⁵) привело к признанию того факта, что маскулинность и «мужчинство»/мужчины не есть универсальные понятия. На относительности и вариативности маскулинности акцентировали внимание Дэвид Гилмор²⁶, Р. Коннелл, Игорь Кон и др.

Отсюда, из этого базового понимания была институционализована проблема не маскулинности, а маскулинностей.

Темпы формирования, развития и смены гендерных порядков неравномерны, отмечает Игорь Кон, неодинаковы в разных странах, в разных социально-экономических группах, в разных культурных и религиозных сообществах, в разных возрастных группах и среди разных типов мужчин. В работе с красноречивым (в контексте вышесказанного) названием «Маскулинности» (1995)²⁷ Р. Коннелл рассматривает четыре модели маскулинностей: гегемонные, субординированные, комплицитные (компромиссные, общинные) и маргинальные. Под гегемонной маскулинностью Р. Коннелл в середине 1990-х годов XX века предлагает понимать

²⁴ Кон И. Мужское тело в истории культуры. Здесь цит. по: Кон И. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Часть 1. С. 571–572.

²⁵ Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y., L.: Routledge, 1990; Butler J. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of "Sex". N. Y., L.: Routledge, 1993.

²⁶ Gilmore D. Manhood in the making: cultural concepts of masculinity. London: Yale University Press, 1990; Гилмор Д. Загадка мужественности // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 880–904.

²⁷ Connell R. Masculinities. Sydney: Allen and Unwin, 1995.

конфигурацию гендерной практики, которая воплощает приемлемый в настоящий момент ответ на вопрос о легитимности патриархата, который гарантирует (или считается, что гарантирует) доминирующее положение мужчин и подчинение женщин²⁸.

Носителями гегемонной маскулинности, по Коннелл(у), могут быть не только реальные люди, но также и киногерои, и художественные персонажи. Гегемонная маскулинность «живет» в символах и знаках. Она, как правило, формируется в ситуациях, когда существует определённое соответствие между культурным идеалом и институционализированной властью. В этом смысле, высшие эшелоны государственного аппарата и армии могут считаться носителями гегемонных маскулинностей.

Гегемонная маскулинность исторически изменчива. Ее приписывают конкретным индивидам, но на самом деле гегемонная маскулинность есть коллективное творчество, которое создается и поддерживается социальными институтами — от племени, семьи, цеха до государства. А поскольку носителем гегемонной маскулинности является не личность, а социальные институты, в рамках которых люди взаимодействуют друг с другом, то взаимодействие разных маскулинностей может быть и отношениями власти, и отношениями производства, и отношениями дружбы/вражды, подчинения и протеста.

Концепция гегемонной маскулинности, предложенная Р. Коннелл(ом), сформировала и методологические рамки исторических исследований маскулинностей, и поле напряженной теоретической дискуссии, градус которой повышался по мере накопления и анализа эмпирического, в том числе и исторического материала.

²⁸ Ibid. P. 75. Разумеется, концепция «гегемонной маскулинности» была сформулирована Р. Коннелл(ом) не в один день и не в один год. Она стала результатом начатых еще в 1980-е годы исследований в области изучения мужского опыта: неравенства в средних школах Австралии, особенностей социализации мужчин на рынке труда и т.д.: *Connell R. Which way is up? Essays on sex, class and culture.* Sydney: Allen and Unwin, 1983; *Connell R. Gender and power.* Sydney, Australia: Allen and Unwin, 1987; *Connell R. An iron man: The body and some contradictions of hegemonic masculinity // Sport, men and the gender order / Eds. M. Messner and D. Sabo.* Champaign, IL: HumanKinetics Books, 1990. Монография «Маскулинности» подытожила исследования ученого.

В работе «Мужское господство» Пьер Бурдьё отметил, что ни собственно гендерные отношения, ни «гегемонная маскулинность» не являются самовоспроизводящимися системами. Тактики, механизмы доминирования мужского и исключения женского различаются в зависимости от исторических условий, регионов, социальной стратификации. «Мужское доминирование» всегда является открытым, проблематичным проектом и требует значительных усилий, направленных на его поддержание²⁹.

Плодотворные критические идеи относительно концепции «гегемонной маскулинности» были изложены в статье Д. Деметриу³⁰. Исследователь, соглашаясь с «исторической зависимостью» гендерных отношений, обратил внимание на упрощенческий механизм в использовании и трактовке термина «гегемонная маскулинность». Д. Деметриу предлагает выделять две формы гегемонии: внутреннюю и внешнюю. «Внешняя гегемония» институционализирует господство мужчин над женщинами. «Внутренняя» — проявляет и проблематизирует социальное господство одной группы мужчин над другими. Отношения между этими двумя формами в концепции «гегемонной маскулинности» оказались не обозначенными и не проясненными. Исключительно важной для изучения маскулинности в исторической перспективе является идея Д. Деметриу о том, что гегемонная маскулинность не просто изменяется в связи с изменением исторических условий, но, присваивая иные элементы, сама становится способной как к приспособлению, так и к реконфигурации в новых исторических обстоятельствах³¹.

В 2005 году Р. Коннелл и Джеймс Мессершмидт предложили детальный анализ критики концепции гегемонной маскулинности и определили новые границы теоретических и терминологических полей изучения мужчин/мужского/маскулинного³².

²⁹ Подробнее об этом: *Bourdieu P. Masculine domination*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001 (*Бурдьё П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр. Ю. В. Марковой. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб. Алтейя, 2005. С. 286–364; электронная версия: <http://bourdieu.name/content/muzhskoe-gospodstvo>*

³⁰ *Demetriou D. Z. Connell's concept of hegemonic masculinity: A critique // Theory and Society*. June 2001. Vol. 30. № 3. P. 337–361.

³¹ *Ibid.* P. 355.

³² *Connell R., Messerschmidt J. Hegemonic masculinity. Rethinking the Concept // Gender & Society*. Vol. 19 No. 6. December 2005. P. 829–859.

Основная критика, обозначили авторы, коснулась пяти принципиальных позиций: что лежит в основе концепции маскулинности, проблема неоднозначности и пересечения смыслов понятия, вопрос о том, каким образом должно опредмечиваться понятие «гегемонная маскулинность», что представляет собой субъект маскулинности, и как «гегемонная маскулинность» соотносится/должна соотноситься с паттерном «гендерные отношения». Принимая конструктивную и плодотворную критику, авторы сочли необходимым пересмотреть концепцию, сохранив при этом фундаментальные понятия о множественности маскулинности и маскулинной иерархии. Кроме того, Р. Коннелл и Дж. Мессершмидт считают, что гегемонная маскулинность в большей степени связана с авторитетом и социальной властью, чем иные формы маскулинности. И это понимание также необходимо сохранить. Без «ревизии» осталось и положение о том, что «доминирующая мужественность» основывается не только и не столько на силе, но зависит от культурного контекста, легитимизирующих дискурсов, процессов маргинализации альтернативных форм маскулинности³³.

Однако от слишком упрощенного и одномерного понимания гегемонной маскулинности как «глобального доминирования мужчин над женщинами», считают ученые, следует отказаться. В концепции гегемонной маскулинности в роли доминируемых должны быть проявлены «другие» (другие мужчины, носители других канонов маскулинности)³⁴.

Полагая, что проблема гегемонной маскулинности — это поле продолжающейся дискуссии, Р. Коннелл и Дж. Мессершмидт определили четыре пространства, в которых концепция нуждается в переосмыслении и переформулировании. Речь идет о природе гендерной иерархии, о географии (локальной, региональной, глобальной) конфигураций мужественности, о механизмах социального воплощения гегемонной маскулинности и, наконец, о динамике маскулинностей³⁵. Р. Коннелл и Дж. Мессершмидт заключают:

«Создание и оспаривание гегемонии в исторически изменяющихся гендерных порядках — процесс чрезвычайной важности»

³³ Ibid. P. 846.

³⁴ Ibid. P. 846.

³⁵ Ibid. P. 847.

сти, для изучения которого мы по-прежнему нуждаемся в концептуальных инструментах»³⁶.

Двадцать лет интенсивной работы, накопление теоретического и анализ эмпирического материала позволили акцентировать внимание на том, что маскулинности формируются через отличие, через разницу. Различие — вообще имя общества. Нет обществ без различий, создающих напряжение, порождающих движение социальной жизни. Без разности полюсов невозможно социальное изменение.

Маскулинность всегда формируется, во-первых, как отличие, во-вторых, она формируется как отношение и по отношению к Иному: к женскому, к Другому мужскому, к Другому национальному, к Чужому.

Такие способы формирования маскулинностей и создают иерархические системы — позиции доминирования и подчинения. При этом мужчина/мужчины могут как принимать желательные для них форматы «гегемонной маскулинности», так и отказываться от них. Принятие или непринятие зависит от целого комплекса обстоятельств, а сам процесс является изменчивым и непостоянным на протяжении всей жизни мужчины и/или существования мужчин в тех или иных социальных группах.

Конструкция маскулинности работает в поле категорий изменчивости и различия — возрастного, социального, национального, брачного, религиозного, сексуального.

Именно этот методологический подход плодотворно осваивается в историческом поле.

По-настоящему революционным оказалось, например, проявление мужчины в сфере семейных практик, практик и стратегий сексуальности, любви, дружбы, отцовства, сыновства. Откликаясь на работу Джона Тоша «Место мужчины: Дом и представление о мужественности в сознании среднего класса викторианской Англии»³⁷, (одна из глав которой «Отец и сын» была поистине эври-

³⁶ Ibid. P. 854.

³⁷ Tosh J. A Man's Place. Masculinity and the Middle-Class Home in Victorian England. New Haven and London: Yale University Press, 1999. Перевод названия монографии Дж. Тоша представлен в соответствии и в согласии с тем вариантом, который предложила Л. П. Репина. Именно ей принадлежит приоритет открытия и анализа работ Дж. Тоша как историка маскулинности для отечественных исследователей. См.: Репина Л. П. Женщины и мужчины в

стической. Джон Тош проанализировал четыре типа отцовско-сыновских отношений: отсутствующий отец, отец-тиран, дистанцирующийся и любящий отец), критики Джона Тоша пошутили, что проявленная таким образом проблема маскулинности вызывает у феминисток беспокойство, поскольку введение мужчины в сферу приватного (женского) может снова сделать женщин невидимыми.

Не менее значимыми являются и другие работы. В данной статье некоторые из них представлены вне какого-либо направления или школы, а исключительно в качестве иллюстрации широты и спектра возможных пространств анализа маскулинности в истории. Так, Клиффорд Патни³⁸ анализирует процесс создания гегемонного норматива маскулинности через отношения/ различия с христианским идеалом мужчины, в котором как будто бы не проявлена сила, но проявлено смирение. «Мускулистое христианство» американцев формируется как оппозиция к «смиренному телесному канону» католической церкви. Димитар Камбуров³⁹ рассматривает постсоциалистическую гегемонную маскулинность балканских народов через различие/отношение к гегемонной западной маскулинности. И ставит вопрос о том, как конструируется мужественность в тех регионах, к которым Запад относится как к женственным. (Это очень эвристичный вопрос в исторической перспективе. И может быть продолжен в сравнительно-цивилизационном ракурсе: а как конструируется западная маскулинность через отношение исламского мира к Западу как к женщине?). Ирина Новикова и Кейт Прингл анализируют изменения мужских практик в современной Европе. Методологией их анализа стали постфеминистские теории. В фокусе исследования — идея новой Европы, порождающая идеи «нового расизма» и определяющая каноны «мужской европейскости» через иерархии настоящей/ненастоящей или чистой/нечистой европейской маскулинности⁴⁰.

истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М.: РОССПЭН, 2002.

³⁸ Putney Cl. *Muscular Christianity: Manhood and Sports in Protestant America, 1880–1920*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001.

³⁹ Novikova I., Kambourov D. *Men in the Global World. Integrating Post-Socialist Perspectives*. Хельсинки: Кикимора, 2003.

⁴⁰ Ibid.

Роберт Олдрич⁴¹ предпринимает попытку реконструировать жизнь геев-колонизаторов на основе сотен дневников, воспоминаний, газетных статей, художественных текстов и судебных актов. Действующими лицами книги являются как «знаковые люди эпохи»: Лоуренс Аравийский, Артур Рембо, Андре Жид, лорд Китчернер, Герман Мелвилл, так и «простые люди» — чиновники, моряки, солдаты. Колониальная география представлена как в широком географическом — британские, французские и голландские империи, Индия и Азии, Северная Африка и Восток, Австралия и Океания, так и в узком прагматическом смысле. События и их рефлексии связываются с публичными домами, парками, банями, пустынями, залами судебных заседаний, общинами пограничников, исправительными колониями переселенцев. Работая с источниками, Р. Олдрич реконструирует тексты, учитывая фактор самоцензуры. Один из интереснейших разделов исследования рассказывает о сексуальных контактах европейцев с местным населением: по согласию или без оного. С помощью сексуального насилия европейцы утверждали свое превосходство над аборигенами. По мнению автора, колониальный мир не был раем для геев. Напротив, жесткие гетеросексуальные нормы и правила, вынесенные переселенцами из Европы, в условиях вынужденного тесного сосуществования стали еще жестче и прочнее, чем на родине.

Бертран Тэйтэ⁴² рассматривает возрастные каноны и возрастную относительность/различие в конструкции маскулинного как исторически изменчивом процессе.

Джон Хейнс⁴³ обращает внимание на постройку/отстройку маскулинности через символические образы, транслируемые советским государственным кинематографом. В фокусе исследования — сталинская эпоха, хотя сам автор определяет хронологические рамки шире: от культурной революции, начавшейся в 1920-е годы, и до хрущевской «оттепели», сущностные характеристики которой остались в исследовании не раскрытыми. Хейнс акценти-

⁴¹ Aldrich R. Colonialism and Homosexuality. London : Routledge, 2003.

⁴² Taithe B. Neighborhood Boys and Men: the Changing Spaces of Masculine Identity in France, 1848–71 // French Masculinities / Eds. Christopher E. Forth, Bertrand Taithe. Palgrave-UK-USA, 2007. P. 67–85.

⁴³ Haynes J. New Soviet Man: Gender and Masculinity in Stalinist Soviet Cinema. Manchester and New York: Manchester University Press, 2003.

рует внимание на роли кино в маскулинизации, централизации и монологах культуры. Наиболее полно в работе проанализировано творчество Григория Александрова и Ивана Пырьева. Автор считает, что именно эти два режиссера сыграли наиболее значительную роль в создании образов маскулинности, с одной стороны, и формировании «новой кинематографической реальности», которая, по сути, заменяла зрителю практическую реальность собственной жизни, с другой. Дж. Хейнс приходит к выводу о том, что образы советского кинематографа, транслированные через подчеркнутую молодость героев, вели к инфантилизации маскулинного и созданию всеобщего паттерна «Отец (Сталин) и дети». «Сыновья большой советской семьи», рожденные музыкальными комедиями Г. Александрова и И. Пырьева, по мнению Дж. Хейнса⁴⁴, зафиксировались в «стадии зеркала»⁴⁵.

Роберт Най⁴⁶ акцентирует внимание на символическом капитале и различиях в символическом капитале, который, трансформируясь в кодексы чести, становится добровольным самоограничением и самовоспроизводством гегемонного норматива маскулинности.

Следует отметить, что в 1998 году один из выдающихся австралийских ученых, настоящий энтузиаст проблематизации маскулинности в гуманитарных науках, Майкл Флуд, зафиксировал трехтысячный рубеж научных исследований о мужчинах/ мужском/ маскулинном⁴⁷. В 2008 году вышло девятнадцатое

⁴⁴ Ibid. P. 182. Следует отметить, что в работе Дж. Хейнса есть выраженный недостаток, связанный, вероятно, с попыткой ответить на вызовы всех современных методологических систем. Исследователь одновременно работает в терминах и теориях З. Фрейда, Ж. Дерриды, С. Жижека, М. де Серто, он мобилизует также теоретические разработки М. Бахтина, Ж. Лакана, Дж. Хоскинга. Результатом подобной авторской неопределенности в методологии исследования становятся неопределенности, поспешности, противоречия, искусственность аргументации в выводах по целому ряду сюжетов. Дж. Хейнс смело преодолел «случай сороконожки», но его «сороконожка» — обьелась и, похоже, не может переварить съеденное.

⁴⁵ Лакан Ж. Стадия зеркала: http://lacan.narod.ru/ind_lak/lac_r6.htm

⁴⁶ Nye R. A. Masculinity and Male Codes of Honor in Modern France. N.Y., 1993.

⁴⁷ The men's bibliography: a comprehensive bibliography of writing on men, masculinities and sexualities, compiled by Michael Flood. Canberra, Australia, 1998. (6-th ed.).

издание этой книги, в которой «библиография мужчин» была представлена 22 400 монографиями, сборниками, статьями, «рассортированными» М. Флудом по тридцати шести категориям. Профессиональным историкам, вероятно, будут интересны не только рубрики «история маскулинности» и «методология и эпистемология», но также и «маскулинность в культуре и репрезентации», «сексуальность», «духовность, мифопоэтика, письмо и психоанализ», «мужские отношения с мужчинами, дружба» и другие⁴⁸.

В поле теоретических подходов к проблеме маскулинности было определено, что гегемонная мужественность базируется на двух китах, двух универсальных принципах, которые ее и создают: первый фаллоцентризм — как символ мужской силы, силы владеть, покорять, оплодотворять, удовлетворять и отнимать, второй — логоцентризм — как комплекс представлений о разуме (интеллекте) как признаке мужского.

Чтобы сформулировать обобщающую форму мужской власти французский психоаналитик Жак Лакан⁴⁹ объединил фалло- и логоцентризм в одно понятие «фаллологоцентризм» («фаллологоцентризм»), которое широко используется в феминистской литературе.

Игорь Кон совершенно точно определил пространство напряжения в создании гегемонной маскулинности: расхождение между фалло- и логоцентризмом делает единый общий канон маскулинности принципиально невозможным (либо уникально индивидуально литературно экзотичным, как, например, образ Рета Батлера в романе М. Митчелл «Унесенные ветром» или Захара Кордовина в романе Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы»). Это напряжение и порождает альтернативные образы маскулинности в рамках одной и той же культуры⁵⁰.

⁴⁸ Электронная версия этого полезного ресурса: *Flood M.* The Men's Bibliography A comprehensive bibliography of writing on men, masculinities, gender, and sexualities (19-th edition). <http://mensbiblio.xyonline.net/> Последнее обновление — 24.01.2008.

⁴⁹ Лакан Ж. Значение фаллоса // http://lacaniens.org.ua/lib/znachenie_fallosa.doc

⁵⁰ Кон И. Альтернативные маскулинности. Исторический экскурс // Меняющиеся мужчины в меняющемся мире. Здесь цит. по электронной версии: http://www.fictionbook.ru/author/igor_kon/mujchina_v_menyayushemsya_mire/read_online.html?page=5

На наш взгляд, особенность функционирования канона нормативной маскулинности заключается в том, что он никогда не мог быть воплощенным. И именно невозможность его воплощения была и остается условием его развития, существования и кризиса (или череды кризисов, которые постоянно изменяли и меняют мир). Очень плодотворной в этой связи является концепция Джудит Батлер⁵¹ о гендере как перформансе, который определяется не биологическим телом, а, напротив, для которого тело есть материализация нормативного идеала. Маскулинность (как и феминность) в рамках этой методологии — это только *приближение* к нормативному идеалу жестко дифференцированных гетеросексуальных полов.

В статье «Перспективы: маскулинности в современной мировой истории», изданной в 1993 году, Р. Коннелл акцентировал(а) внимание на том, что история становления господствующих экономики и государственности европейской и американской культуры, является, в действительности, историей гендерных отношений (связанных с классовыми и расовыми отношениями). Поскольку представителями мирового преобладания были и остаются, в большинстве случаев, мужчины, исторический анализ маскулинности должен быть основополагающим объектом в нашем понимании современного мирового устройства⁵². (Маскулинность как основополагающий объект для понимания современного мироустройства была переосмыслена в уже названной работе Р. Коннелл(а) и Дж. Мессершмидта. Авторы выразили сожаление о том, что в развитии исследований о мужчинах и маскулинности отношения с женщинами и феминностью («гегемонной феминностью» или «акцентированной феминностью») выпали из фокуса аналитических полей.

«Как убедительно показано в биографических исследованиях, женщины занимали центральное место в конструировании маскулинности — как матери, как учительницы, как подруги, как сексуальные партнерши и жены и т. п.»⁵³)

⁵¹ Батлер Дж. Указ. соч.

⁵² Коннелл Р. Перспективы: маскулинность в современной мировой истории // Цит. по: http://www.las.iastate.edu/WSP_KCGS_Partners/russian/modules/stereotypes_nationalism/Connel%20Russian.rtf Статья опубликована в журнале Theory and Society. Vol. 22. N. 5, Special Issues: Masculinities. Oct. 1993. P. 597–623.

⁵³ Connel R., Messerschmidt J. Op. cit. P. 848.

Между тем, на амбициозный призыв «изучать мужчин, чтобы понять современный мир» сегодня ответили и отвечают сотни исследователей Центральной и Восточной Европы, постсоциалистического пространства.

Причем, Восточная Европа не только отвечает на этот призыв, но и создает свои концептуальные подходы к решению проблем маскулинности. И творчество Игоря Кона в этом смысле трудно переоценить. Плодотворные разведки и аналитические построения в рамках разных гуманитарных наук мы имеем сегодня в работах Е. Здравомысловой, А. Темкиной, С. Ушакина, С. Жеребкина, А. Синельникова, Е. Мещеркиной, А. Юрчак, Н. Ходыревой и многих других.

«Вхождение» мужской проблематики в пространство гуманитарных наук в Восточной Европе в целом повторяет процесс ее институционализации в Западной Европе, Австралии, США.

Во-первых, проблема маскулинности сначала «задевает» поля и рамки социологии, психологии, философии, а исторический ракурс остается вспомогательным и большей частью — иллюстративным.

Во-вторых, история маскулинностей/мужчин/мужского актуализируется как анализ недавнего прошлого. Точно так же, как и западные ученые, исследователи постсоветского пространства и стран Восточной Европы пытаются осмыслить современный миропорядок и найти источники и причины создания современных нормативов гегемонной маскулинности. Можно констатировать, что кризис маскулинности, как на Западе, так и в России, в странах Восточной Европы, является одним из источников исторической проблематизации этой темы.

В-третьих, проблема мужского в исторической ретроспективе ставится в значительной степени в рамках методологии социальной истории, эволюционизма, позитивистского дискурса, истории повседневности. И это напоминает процесс институционализации «феминологии», достаточно долгое время проходивший под лозунгом «добавить женщин».

Справедливости ради необходимо отметить, что изучение «мужских сообществ», «мужских профессиональных групп», «этносов мужского поведения» было характерным для советской историографии (как для историографии других стран, развивавшихся под значительным влиянием марксистской методологии, так и вне ее).

Непроблематизированная как мужская, тема находила свое отражение в исследованиях истории рыцарских орденов, княжеских династий, рабочего класса, истории силовых структур («охранки», Красной Армии, милиции, ЧК), истории партии, комсомола и т.п. Накопленный в этих работах фактический материал имеет и сегодня эвристический потенциал. Вопрос заключается в том, чтобы этот событийно-фактологический ряд был прочитан с точки зрения новых методологий. Между тем, и вне контекста гендерной теории некоторым исследователям удалось создать такие работы, в которых анализ мужских практик и мужского поведения не утратил научной актуальности. Речь, например, идет об исследовании польского философа, социолога Марии Оссовской⁵⁴, посвященном этосу рыцаря и буржуа. Отдельные части исследования вышли в Польше в 1956 и в 1973 годах. Не утратили своего познавательного и научного потенциала работы А. Гуревича «Походы викингов», Л. Баткина «Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления» и многие другие исторические исследования, авторы которых, по меткому замечанию Н. Пушкаревой, подобно мольеровскому господину Жюрдону не подозревали, что говорили прозой, но проблематизировали и скрупулезно анализировали именно мужские практики бытия⁵⁵.

Следует отметить, что в современной историографии вопрос о «мужчинах», конечно, не стоит в плоскости «добавить», просто определенный интерес вызывают видимые, очевидные «мужские сообщества» — мужчина на войне (Е. Сенявская⁵⁶), казачество (С. Жеребкин⁵⁷), конструкт «вождя» (А. Тихомиров⁵⁸), морское

⁵⁴ *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали / Пер. с польск., общ. ред. А. А. Гусейнова; Вступ. ст. А. А. Гусейнова и К. А. Шварцман. М.: Прогресс, 1987.

⁵⁵ Следует отметить, что эту метафору Н. Пушкарева применила относительно становления women's study в России. Полагаю, однако, что для ряда исключительных работ, проявляющих мужское и мужественное в истории, она будет так же уместна.

⁵⁶ *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.

⁵⁷ *Жеребкин С.* Сексуальность в Украине: гендерные «политики идентификации» в эпоху казачества // О муже(N)ственности: сборник статей. Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 224–242.

⁵⁸ *Тихомиров А.* Роль личности в новой политической истории: конструкт вождя в условиях современной диктатуры (на примере образа Сталина в ГДР // Новая политическая история. Вып. 4. 2004. Спб.: Алетей. С. 41–61.

офицерство (Е. М. Лупанова⁵⁹). Исторический интерес вызывают мужские обряды и практики инциализации, практики повседневного поведения определенных слоев населения по профессиональному признаку (А. Б. Богданов⁶⁰).

Общим местом (за редким исключением) в проявленном историческом интересе к мужчинам и мужскому есть либо умолчание, либо декларация при не использовании, либо и вовсе — не использование гендерной методологии.

Это не есть непреодолимая проблема. Это логичный путь институционализации гендерной методологии, которая, с одной стороны, вызывает скепсис у представителей «старой школы», с другой — быстро и продуктивно, даже без «самоназвания», «самоопределения» становится полезной, а отсюда — ускоренно проникает и будет проникать в изучение маскулинности как исторической проблемы.

Второе проблемное поле связано с терминологией и понятиями, которыми можно оперировать в поле исторических исследований. Поскольку историки ориентированы на поиск и анализ, с одной стороны, конкретно-исторических фактов и событий, а, с другой, на создание определенных типологических универсальных схем развития общества, то термин «гегемонная маскулинность» с учетом понимания его иерархичности (собственно гегемонные маскулинности могут быть построены и в маргинальных группах), его вариативности и его всеобщности, требует прагматического уточнения. Уточнения для более упрощенной процедуры его воплощения и использования.

Этот уточнение, по сути, уже состоялось. Имеется в виду широкое распространение понятия «гегемонный норматив маскулинности» или «гегемонная нормативная маскулинность». Такое уточнение дает возможность акцентировать институциональную (властную, символическую, политическую) поддержку желательной для общества маскулинности и соотносить именно нормативы и процедуры их создания в разных сообществах, в разные эпохи, в

⁵⁹ Лупанова Е. М. Норма поведения русского морского офицера на рубеже 18—19 веков: правительственные предписания и требования общества к своим членам // Новая политическая история. Вып. 4. 2004. Спб., 2004. С. 129–152.

⁶⁰ Богданов А. Б. Врачи в первой российской кругосветной экспедиции (1803–1806 гг.): повседневная деятельность и экстремальные ситуации // История повседневности: Сборник научных работ. СПб., 2003. Вып. 3. С. 26–48.

разных культурах. Употребление термина «нормативная маскулинность», например, позволяет снять коннотацию господства и доминирования с этого понятия и оперировать иными добавочными конструкциями. Как например, Анна Роткирх⁶¹ называет позднесоветскую нормативную маскулинность «тревожной», а Соня Роуз⁶² гегемонную маскулинность британцев в период Второй мировой войны «умеренной» (выстроенной по отношению к агрессивному гегемонному нормативу нацизма).

Третье проблемное поле — это история исторической науки и историография отдельных тем и исследований. Здесь можно и нужно поставить следующие вопросы.

Согласившись с тем, что маскулинности (и как конструкция, и как перформанс) базируется на двух универсальных принципах фалло и логоцентризме попробуем проанализировать:

А были ли носители и творцы исторического знания воплощением канона гегемонного норматива маскулинности, соответствующего той эпохе, в которой они жили?

Если работать над этой проблемой в рамках биографического метода, то можно предположить, что нет. Не были. Точнее, они воплощали в большей степени принцип логоцентризма, а другой универсальный механизм — фаллоцентризм — был в их биографиях вторичным, выстроенным от логоса, а часто — не выстроенным и в определенном смысле — провальным.

Таким образом, не оказывается ли история исторической науки (при рассмотрении ее через призму маскулинности и гендерных порядков) полем, где гегемонная нормативная маскулинность и транслировалась, и одновременно, размывалась, изменялась?

Еще один вопрос может быть задан в рамках историографии и биографического метода: как был связан концепт нормативной маскулинности с позицией историка, персональной, индивидуальной маскулинностью того, кто пишет, того, кто говорит? «Чья речь, того и власть». Но чья это была речь?

⁶¹ Rotkirch A. The man question: loves and lives in late 20th century Russia. Helsinki: University of Helsinki, 2000.

⁶² Rose S. A. Temperate Heroes: Concepts of Masculinity in Second World War Britain // Masculinities in Politics and War. Ed. Dudink, Hagemann, and Tosh. P. 192–193.

Как влиял личностный проект маскулинности на дискурс, который предлагался в качестве легитимного?⁶³

Отсюда проблематизируется и поле источниковедения и работы с источниками.

Во-первых, и на это обратили внимание многие исследователи, на протяжении XIX–XX столетий в работе с источниками, как археологическими, этнографическими, так и письменными была проявлена «мужецентричность» (например, в этнографических описаниях бердачизма: мужской бердачизм был и описанным, и увиденным, а женский (по разным причинам) — только названным как факт «с чужих слов»). Об этом пишет американская исследовательница Лорен Хэстен⁶⁴, традиционно (для феминистской парадигмы) называя такую работу с источниками «мужской слепотой как к древним, так и к собственным обществам»).

Во-вторых, интересной является проблема того, как гегемонный норматив маскулинности отражался и отражается на иерархии и верификации источников. У Геродота, Нестора, Жюлья Мишле устный источник был в чести. Ныне на вершине пирамиды доверия «законодательные акты», а поле источников устной истории вместе с мемуарами и воспоминаниями маркируется как «вспомогатель-

⁶³ В основу статьи были положены материалы доклада на Международном конгрессе Американского Совета Научных Сообществ и Международной Ассоциации Гуманитариев (Львов, 1–4 октября 2009 г.). При обсуждении указанной в тексте гипотезы белорусский философ Татьяна Шитцова высказала сомнение относительно возможно искусственного противопоставления фалло и логоцентризма, которое может привести исследователя к упрощенной и схематичной логике бинарных оппозиций и, в конечном итоге, довести исследовательскую схему до противопоставления «материального и духовного». Исследовательница обратила внимание на тот факт, что корректнее было бы избегать этого противопоставления, оставаясь в рамках понимания взаимосвязи и взаимозависимости названных принципов. Эта идея является верной и продуктивной. Однако в работе с историческими источниками, во всяком случае, в период их первоначальной обработки — постановки вопроса к источнику — понимание возможности проявления (или не проявления) напряжения между фалло- и логоцентризмом (в терминах И. Кона) в рамках биографического метода может дать интересный и плодотворный ракурс гендерно чувствительного историографического анализа.

⁶⁴ *Hasten L. W.* In Search of the "Berdache": Multiple Genders and Other Myths — <http://www.laurenhasten.com/berdache.htm>

ное», «субъективное», маргинальное, не годное для создания универсальных схем и даже для конкретно-исторического анализа.

В-третьих, постановка маскулинности как исторической проблемы делает необходимым введение и изучение категории «мужского письма»: как в контексте формирования канона, так и в контексте несоответствия канону, в вопросе о методологии власти и иерархии, во многих других ракурсах, в которых изучается «женское письмо»⁶⁵.

Широким полем для изучения маскулинности как исторической проблемы является вопрос о формировании канонов гегемонного норматива и зависимости его от эпохи и от того, кто «проговаривал» канон.

Важным является обращение гедерного-маскулинного взгляда к эпохе первобытности.

Во-первых, с точки зрения проблемы глоттогенеза. Как формировалась речь, как рождался Логос? Был ли этот процесс гендерно-равномерным? Многочисленные теории глоттогенеза позволяют по-разному исследовать и анализировать эту ситуацию. Б. Поршнев⁶⁶ еще в середине XX века предположил, что речь стала защитным механизмом одних гоминид от других, более суггестивных. А что, если Дин Фолк⁶⁷, предположившая, что речь возникла

⁶⁵ Такие попытки уже сделаны как с применением методов гендерного анализа, так и вне этого контекста. Приоритет снова «западный», однако мы также входим в простор этого понимания: *Herbert L. Sussman. Victorian Masculinities: Manhood and Masculine. Poetics in Early Victorian Art and Literature. Cambridge 1998*: анализ идей мужчин и маскулинности в викторианскую эпоху через литературный анализ братства прерафаэлитов, Томаса Карлалейла, Волтера Роберта Броунинга и Волтера; *Borenstein E. Men without women: masculinity and revolution in Russian fiction, 1917–1929. Durham: Duke University Press, 2000*: здесь чтение гендера и маскулинности через анализ прозы Олеси, Бабеля и Платонова, без акцента на «мужское письмо», но через вписанность мужского во властные структуры; *Крылова Ю. Жоффруа де Ла Тур Сандрин: «и задумал я написать книгу» // Гендер в истории и общество. СПб., Алетейя, 2007*: анализ текста дворянина как поучение дочерям.

⁶⁶ *Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974*; *Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) Мозг и общество // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Porsh/KontrIst.php*

⁶⁷ *Falk D. Finding Our Tongues: Mothers, Infants and the Origins of Language. Perseus / Basic Books, 2009.*

как материнский лепет — права? И именно от «материнского лепета» защитились гоминиды-самцы, зафиксировав свое преимущество не только через власть силы, но и через власть слова?

Экологическая теория, теория трудовых выкриков позволяет проследить процесс глоттогенеза как процесс власти, а этнографические данные о наличии «женского» и «мужского» языка — проанализировать, как формировалась символическая иерархия слова как знака, слова как Логоса⁶⁸.

В-вторых, гендерный порядок и поиски маскулинности позволяют, например, переосмыслить феномен палеолитических Венер с точки зрения изображения женского как общечеловеческого, как и с точки зрения «невидимого», «спрятанного», «внутреннего» мужского как нормативного. (Известно, что рейтинг изображений первобытного палеолитического искусства (по убыванию) — это животные, женщины, мужчины (причем, изображения мужчин — это 10-20%⁶⁹ найденных изображений, причем, изображений весьма схематических, условных, дофаллических).

В-третьих, «спрятанная» маскулинность палеолита и мезолита позволяет поставить вопрос о гендерном порядке формирования первобытного символического мира и первобытного искусства. Американский исследователь Дин Сноу обратил внимание на многочисленные отпечатки рук, оставленные художниками по соседству с другими рисунками во французских пещерах Гаргас и Пеш-Мерль, а также испанской Куэвас-эль-Кастильо. Сноу измерил их вдоль и поперек и пришел к выводу, что большинство отпечатанных на стенах рук принадлежало женщинам. Следует добавить, что в сознании архаического человека рука имела большое значение, ее изображение олицетворяло человека в целом⁷⁰.

Пеформативность канона маскулинности в истории очевидна, но только-только становится обозначаемой как историческая про-

⁶⁸ Феминистская критика языка и гендерная лингвистика вплотную подошли к необходимости изучения глоттогенеза через призму гендерной парадигмы: *The Feminist Critique of Language: a Reader* // Ed. D. Cameron. London&New York: Routledge, 1998; *Кирилина А. В.* Развитие гендерных исследований в лингвистике // *Филологические науки*. 1998. № 2. С. 51–58; *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999.

⁶⁹ С учетом разницы подходов в том, что считать мужским изображением.

⁷⁰ <http://www.itogi.ru/paradox/2009/30/142416.html>

блема. Например, эта изменчивость в шкале мужского/женского хорошо проиллюстрирована в контексте античности и, отчасти, эпохи Возрождения (как возрождения символического поля античности): здесь красота являлась проявлением и признаком мужского (Микеланджело считал мужское тело совершенным. В усыпальнице Медичи сначала были созданы мужские фигуры/тела, а потом, к двум из них добавлены женские признаки). Также интересным является нормативность слез в образе рыцаря, изученная в работе А. Суприянович⁷¹.

Р. Коннелл заметил(а), что «при изменении исторических условий гегемонная форма маскулинности становится уязвимой» (гегемонный норматив, добавим мы, и согласимся).

Отсюда еще одно проблемное поле: как, каким способом изменения исторических условий влияют на изменение гегемонного норматива (Сам(а) Коннелл рассмотрел(а) четыре фактора, которые изменили и сформировали современную западную гегемонную маскулинность:

«Распад средневекового католицизма из-за распространения культуры ренессанса и протестантской реформации привел к разрушению аскетических и общерелигиозных идеалов жизни мужчин, принятых в монастырском уставе. С одной стороны, усилилась позиция матримониального союза и супружеской гетеросексуальности как гегемонной формы. С другой стороны, акцентирование внимания на проявлении индивидуальных качеств и прямой связи человека с Господом привело к идее индивидуализма и концепции превосходства, составляющих основу для современной концепции маскулинности. Создание первых иностранных империй атлантическими приморскими государствами (Португалией и Испанией, а впоследствии Голландией, Англией и Францией) было с самого начала гендерным предприятием, восходящим к индивидуальным мужским обязанностям, таким, как военное дело или морская торговля. В современном значении слова, конкистадоры, возможно, являлись первым формированием, которое получило определение “маскулинного” культурного типа. Они, зачастую

⁷¹ Суприянович А. Г. Слезы рыцаря: штрихи к представлениям о мужественности в средневековых рыцарских романах // Гендер и общество в истории / Под ред. Л. П. Репиной, А. В. Стоговой, А. Г. Суприянович. СПб, Алетейя, 2007. С. 418–440.

жестокие и неуправляемые, были исключены из традиционных социальных взаимодействий... Рост городов, вызванный развитием коммерческого капитализма, — Антверпена, Лондона, Амстердама — создал общую атмосферу независимой и комфортной жизни, по сравнению с обстановкой в сельской местности. Новые условия повседневной жизни способствовали появлению радикального индивидуализма.

В свете крупномасштабных европейских гражданских войн — религиозных войн XVI–XVII века, породивших династические войны XVII–XVIII веков — устоявшиеся гендерные порядки сильно пошатнулись. Мерилом этого является тот факт, что революционная борьба столкнулась с первыми радикальными притязаниями на гендерное равенство в европейской культуре, в лице религиозно-политических сект, таких, например, как квакеры»⁷².

Понятно, что ни одно общество, ни одни правила, системы символов и требований не могли быть и не были построены только сверху вниз и только под влиянием объективных факторов.

Изменения снизу — это поле социально-исторической антропологии, предмет которой — человек, человеческое измерение истории, процессов непреднамеренных социальных изобретений. Изменения снизу — это процессы в плоскости безысходности, это подчинение волне ассимиляции или колонизации, но это и процесс «творческого потребления» правил, процесс отталкивания, дифференциации, эмансипации, в которой изменяется баланс власти. «Творческое потребление» — это форма прагматичного противостояния без активного, выраженного протеста. Маскулинность подчиненных — субординирована, однако эта субординация — не навсегда. Потребление новых правил изменяет потребляющих и не всегда в сторону «гегемонного норматива».

Тут *другой голос* маскулинности и другие задания: найти и проанализировать те социальные изобретения, те вызовы, которые меняли мужское как личностное, как групповое, как профессиональное и сами сыграли роль в формировании новых правил и систем гегемонного норматива маскулинности.

В поле исторической антропологии может быть поставлен вопрос о кризисах гегемонных нормативов маскулинности, которые

⁷² Коннелл Р. Перспективы: маскулинность в современной мировой истории...

стали причинами, результатами и сопровождали социальные изменения, изменения самих механизмов существования обществ.

Можно предположить, что кризисы нормативной маскулинности в ту или другую эпоху были сконцентрированы вокруг напряжения между фалло и логоцентризмом. Когда один из универсальных принципов оказывался супердоминирующим, происходил кризис нормативного формата и его изменение, которое сопровождалась и изменением канонов, процессов социализации и так далее.

Через призму кризиса нормативной маскулинности может быть проанализирован процесс изменения всей европейской социальности, и, вероятно, восточной, также. Через нее, например, может быть прочитана история античности и история победы христианского мира (Надежда Орлова в работе «Антропология пола и брака в христианстве»⁷³ подробно анализирует процесс «молчания патриархов», «мужского молчания» и «мужского бессилия в силе, но силы в вере». По сути дела, христианство формирует новый канон, где Логос приобретает священный символизм и не может быть присвоен «простым смертным»: ни Адамом, ни Авраамом, ни Иосифом. Со временем, присвоение Логоса все-таки состоится. И это снова изменит канон нормативной маскулинности).

Конфликт двух нормативов маскулинности (того, что поддерживался античным Римом и того, что формировался в границах христианских сообществ) привел к формированию нового социального порядка и нового норматива маскулинности, значительно отличающегося от названных двух.

Поле исторической демографии дает возможность рассматривать исторические кризисы нормативной маскулинности как фактор глобальных социальных изменений, включая фактор возраста, фактор доминирующих возрастных групп. Что имеется в виду? В антропологической литературе с легкой руки Мартина Дейли и Марго Вилсон существует термин «синдром молодого самца» («the young male syndrome»)⁷⁴.

⁷³ Орлова Н. Х. Антропология пола и брака в христианстве. СПб.: Издательский дом "МИРЬ", 2006.

⁷⁴ Wilson M., Daly M. Competitiveness, risk-taking and violence: the young male syndrome // *Ethology and Sociobiology*. 1985. № 6. P. 59–73. Электронная версия: <http://psych.mcmaster.ca/dalywilson/YoungMaleSyndrome1985.pdf>

Молодые мужчины представляют собой особенную социальную группу, которая по своим физическим качествам, стандартам поведения (тяга к риску, отсутствие беспокойства о собственной безопасности, желание выделиться, склонность к девиантному поведению) резко отличается как от женщин, так и от других мужчин.

На этой почве формируется гипотеза: могут ли социальные изменения и изменения норматива маскулинности быть связанными с тем, что в тот или иной период времени общество становится «молодым» в среднестатистическом, демографическом разрезе? Не лежит ли реализация «синдрома молодого самца» и изменение нормативной маскулинности, например, в основе (или как один из факторов) великого переселения народов?

Работая над проблемами маскулинности в рамках российской империи в начале XX столетия нами, например, было выявлено, что Согласно данным переписи 1897 года 44,9% населения империи были моложе 20 лет⁷⁵. Согласно данным переписи 1926 года моложе 20 лет было 48,7% населения, в возрасте до 25 лет находилось 58% населения⁷⁶. Детство, отрочество и юность — это время личных революций, радикальных, однозначных и простых решений, это время бескомпромиссности, отрицания прошлого и «борьбы с родителями» как вполне закономерного этапа взросления. Представители большевистской власти в определенном смысле не вышли из ситуации подросткового протеста. А, зафиксировавшись в ней, выработали и распространили «невзрослый» (детский, подростковый, юношеский) язык пропаганды и агитации, который был и востребованным и понятным для страны, 58% населения которой было моложе 25 лет.

Историческая демография дает возможность поставить аналогичные вопросы в контексте событий английской, французской революции, войны за независимость США, балканских войн, установления власти Ата-Тюрка в Турции и так далее.

⁷⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. // Под ред. Н. А. Тройницкого. Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905. Здесь посчитано по данным электронного журнала Демоскоп: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_97.php

⁷⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–1929. Том 9. Здесь посчитано по данным электронного журнала Демоскоп: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_26.php

Проблематичной и новаторской является проблема изучения маскулинности в контексте истории Российской империи, СССР и в контексте истории тех государств, которые были частью этих держав и/или находились под их «методологическим протекторатом».

Игорь Кон⁷⁷ обращает внимание, что нормативный канон маскулинности в России всегда был крайне противоречивым. С одной стороны, с выраженной имперской патриархальностью, с другой — с точно так же выраженной мужской социальной и часто — домашней — субординированностью, которая выливалась в домашнее насилие, бессмысленные и беспощадные (не концентрированные вокруг смысла) бунты.

Украинский канон нормативной маскулинности, вероятно, был еще более противоречивым и в некоторые периоды истории — непроявленным, не прописанным и не проговоренным. Украинский нормативный канон отстраивался по отношению к такому большому количеству других — других элит, других наций, других возрастных, образовательных, социальных групп, женщин, что можно выделить условно две эпохи, когда этот норматив был гегемонным хотя бы для исторического символического поля: это период Киевской Руси и период казачества.

Бесконечно проблематичным можно назвать и норматив гегемонной маскулинности для Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, других балканских государств, где «протестность доминируемых» (если речь идет о периоде господства Османской империи) была, вероятно, структурообразующим фактором создания норматива «настоящего мужчины-серба» или «настоящего мужчины-болгарина». В то же время, маскулинность боснийцев, принявших ислам, вероятно, создавала напряженные сценарии личных жизненных проектов, поскольку воспринималась как нормативная и как не-нормативная одновременно.

Проблемными полями сегодня продолжает оставаться советская (и географически шире — социалистическая) идентичность и связанные с ней модели маскулинности (работы Е. Здравомысловой, А. Темкиной⁷⁸, А. Синельникова⁷⁹, Е. Мещеркиной⁸⁰, Е. Трубиной⁸¹ и др.).

⁷⁷ Кон И. Указ. соч.

⁷⁸ Здравомыслова Е. Темкина А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3–4 и др.

Нераскрытым остается вопрос о том, существовала ли в реальном, а не в идеальном мире группа носителей нормативной гегемонной маскулинности. Кто желал соответствия канону? Были ли группы и индивиды, которые стремились «себя под Лениным чистить, чтобы плыть в революцию дальше»⁸²? Как долго «революционный канон» был действенным и чем/почему/когда он был изменен? Не превратился ли официальный советский (социалистический) канон нормативной маскулинности в игровые практики? В процесс творческого присвоения, которое сущностно меняло предлагаемые нормы?

Или тоталитарный проект создавал только субординированные и маргинальные сценарии? Можно ли рассматривать советский гегемонный норматив как норматив вечного детства: брачного и внебрачного сыновства/сиротства. Могут ли в таком случае политические и диссидентские организации советской системы быть рассмотренными через логику построения мужских союзов с их выработкой норм и кодексов чести?

Представления о муже(н)ственности советского мужчины в терминах феминности, инфантилизации, инфантильности как проявления и «среднего», и «пограничного» состояний субординированной маскулинности дают возможность обратиться к теории перформативного гендера. И в рамках этой теории поставить две проблемы. Первая связана со значимостью приватной сферы, особенно в 1960–1980-е гг., с превращением приватной сферы — как пространства

⁷⁹ Синельников А. Мужское тело: взгляд и желание. Заметки к истории политических технологий тела в России // Гендер. исследования / Харьков. центр гендер. исслед. 1999. № 2 (1/1999). С. 209–219 и др.

⁸⁰ Мещеркина Е. "Зазеркалье" гендерных стереотипов // Вы и Мы: Диалог российских и американских женщин: Альманах. 1997. № 1(13). С. 19–22; Мещеркина Е. Биографии "новых русских": Гендерная легитимация предпринимательства в постсоветском пространстве // Гендер. исследования / Харьков. центр гендер. исслед. 1999. № 2 (1/1999). С. 123–144.

⁸¹ Трубина Е. «В форме себя держать!»: социальные симптомы и экзистенциальные тупики мужской биографии // О муже(N)ственности: Сборник статей / Сост. С. Ушакин. Москва: НЛЮ, 2002. Эл. доступ: <http://www.gender-ehu.org/files/File/Trubina.pdf>.

⁸² Маяковский В. Владимир Ильич Ленин. Поэма // <http://www.vmayakovsky.ru/book/110/>

политической свободы (кухни), «добычи пищи» и контроля над ее распределением⁸³ — в сферу реального, а не символического, публичного. Вторая проблема в том, можно ли считать *женщин* носительницами канона *нормативной маскулинности*, но трансляторами — канонов субординированной маскулинности?

Особый вопрос (с учетом огромного массива историографии): был ли нормативный канон рабочего класса гегемонным? И была ли такая социальная группа «рабочий класс», в рамках которого можно было бы говорить о гегемонной маскулинности?

Не менее проблематичным является попытка проанализировать с исторической точки зрения изменения нормативных и иных канонов маскулинности на постсоциалистическом пространстве.

Практически не изученным остается вопрос о конструкциях и сущностях условно «восточных (исламских) маскулинностей» (С. Касымова⁸⁴ о таджикском двойном патриархате, Х. Нурсеитова⁸⁵ о моделях современной исламско-управленческой маскулинности в Казахстане).

В целом, проблематизация маскулинности в историческом поле приобретает все более зримые очертания и, вместе с этим, все более серьезные теоретические и методологические дискуссии. Р. Коннелл называет введение исследований маскулинностей в историческое пространство схожим с катанием по тонкому льду. Уверенность конька здесь, на наш взгляд, зависит от:

– теоретической, методологической включенности в гендерный порядок рассуждения. При этом качество исследований будет зависеть и от того, удастся ли историку избежать методологической всеядности и точно определиться с тем дискурсом, который он сам считает наиболее рациональным для изучения мужского бытования в истории;

⁸³ Проблема домашнего матриархата в социалистическом обществе рассмотрена в работе: Вальчевська С. Особиста свобода. Домашній матриархат // *І. Незалежний культурологічний часопис. Гендерні студії*. 2000. № 17. С. 28–43.

⁸⁴ Касымова С. Гендерная система таджикского общества: путь к модернизации (советский период) // *Гендерная система: состояние и тенденции развития* / Под ред. Ш. Шоисматуллоева. Душанбе: АН Республики Таджикистан: Институт философии права, 2004. С. 132–159.

⁸⁵ Нурсеитова Х. Дискурсивное конструирование отцовства // *Мужское и мужественное в современной культуре: Научные доклады и сообщения*. Отв. ред. Н. Х. Орлова. СПб., 2009. С. 81–85.

– определения терминологического поля, сужения, уточнения, расширения, где это необходимо, ряда терминов; включенности в междисциплинарные исследования; научной и творческой смелости в постановке проблем и преодоления «страха догоняющего»;

– изменения характера работы с источниками и пересмотра ряда выводов, сделанных на основании уже изученных источников; пересмотра объективности и всеобщности принятой ныне иерархии в классификации источников;

– историографического пересмотра и переноса акцентов историографии там, где это необходимо;

– расширения поля изучения маскулинности за счет проблематики широких социальных изменений и возможности их прочтения через фактор кризисов нормативной маскулинности;

– изучения маскулинности в рамках биографического и демографического методов, анализа «мужского письма», введение проблемы маскулинного в поле истории повседневности, истории ментальности, семейной истории, устной истории и социально-исторической антропологии.

Включение маскулинного в поле исторического — это не феминистская и постмодернистская забава, это способ «очеловечить» и «озвучить» историю вне/против/вместе со сложившимися и довлеющими порядками рассуждения.

Мужское и женское в истории делают видимыми не только друг друга, но и гендер, который является не просто родовой характеристикой или «социальным полом», но, по сути, базой, фундаментом, кирпичами и цементом, которыми собирается и скрепляется общество в истории, сегодня и в будущем.

*Стяжкина Елена Викторовна,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории славян
Донецкий Национальный университет (Украина),
Тел.: + 38 062 305 16 56,
E-mail: elena@interdon.net*